Елена Витальевна КОВАЛЕВА

родилась в городе Вольске Саратовской области. Окончила Саратовское художественное училище и художественно-графический факультет Орловского государственного университета. В 2006 году защитила кандидатскую диссертацию по истории философии в РГПУ им. Герцена. Автор поэтических книг «Холст и шелк» (2008) и «Такие странные дома» (2010). Лауреат всероссийского литературного фестиваляконкурса «Хрустальный родник» (Орел, 2011). В журнале «Север» публикуется впервые.

РЫБИНСК. СТАРЫЙ ОСОБНЯК

Печальные уездные палаццо — Осевший цоколь, полинявший цвет, Потеки, щели... скоро сотня лет Забвенья — остается удивляться, Что свет горит и чья-то жизнь чужая Мерцает. Притягательно тепло Зеленой лампы — взглядом провожаю Неясное движенье за стеклом. Все кажется, что там, в уютной зале, Ушедший мир, за шторою таясь, Еще живет — и прошлый век в начале Пути, и кровь еще не пролилась...

Пасмурная Астрахань, ампир Старого губернского пошиба – Незаметно обветшавший мир В сумерках хорош бывает. Либо Осенью, когда уйдет жара В Тегеран, за солнечные воды Каспия, а с севера ветра Принесут прохладные погоды – Мягких туч сплошное полотно Влагой тронет выжженные крыши, Занавесит кисеей окно. Станет город сумрачней и тише. И увижу ясно смысл пути: Здесь, где к морю подступает Волга, В Азию Европу привести Мы смогли, пускай и ненадолго...

дом в витебске

Пол-этажа в культурный слой Ушло, но смотрит чуть надменно — Следы манерности былой Хранят разубранные стены. Пилястр тяжелых точен строй, Характер местного модерна — «Под Ренессанс» — являет, верно. Войди в парадное, открой Век арт-деко и символизма... Но дверь в период катаклизмов Сменило низкое окно. И над балконом лен в цветочек Средь итальянских заморочек Висит насмешливым пятном.

ВОЛЬСКУ

Астры догорают во дворах, Тишина на улочках старинных. Робкий ветер в зябнущих садах Хрупкие целует сентябрины, Теребит последнюю листву Над немым пустеющим фонтаном Со скульптурой вычурной и странной, Виденной когда-то наяву, Так давно, что явственных следов В памяти отыщется не много Городка того, что одиноко Спит средь серых бархатных холмов. Москва! Целую штукатурку Твоих обветренных, продымленных домов. Прими как скромный дар моих шагов Немузыкальную, но легкую мазурку.

Пусть ветер мокрым снегом залепил Очков вспотевшие, захватанные стекла, Пусть я давно промерзла и промокла, Пусть даже не осталось больше сил.

Но снова как безумный мотылек Сквозь стужу рвусь и рвусь к тебе навстречу, И кажется, вот-вот в окне замечу Лишь для меня зажженный огонек... Каргополь, город на поле вороньем, Долго встречает, да скоро хоронит Зеленоокое нежное лето — Где ты, мой ангел лазоревый, где ты? В светлых проемах глазниц колокольни, Не различающих мир этот дольний, В тесных углах деревянного дома, Где и солома бывала едома, В радостных возгласах чад человечьих, В хрупкой душе, что камней вековечней, — В ней отразившись, просевшие стены Тоже сподобились доли нетленной: В памяти нашей свежи и сохранны Все нанесенные временем раны.

НА СНИМОК ПЕТЕРБУРГА

Забытый двор — должно быть, Петроградка — Я узнаю сухие тополя...
Антенна, точно мачта корабля,
Возносится над бездной беспорядка,
И провода натянуты как тросы.
Лишь паруса куда-то унесло,
И водостока старое весло
Надломлено и прилепилось косо.
Фрегата трехэтажного осанка
Еще горда, и окна высоки,
Но осенью исполнена тоски
Модерна разоренная изнанка...

САРАТОВ. БЫВШАЯ НЕМЕЦКАЯ

Улица уютная, как дом, Как салон с диванами и пальмами. Говорили, в общем, не о том Фразами чужими и случайными. Ты кому-то прокричал: «Привет!» Здесь полно досужих завсегдатаев. Не исчислить пролетевших лет — Встреч нежданных здесь ждала когда-то я... Улеглось, и только иногда Черным ходом вниз без провожатого Выхожу беспечно в никуда — В сумерки ожившего Саратова.